

На правах рукописи

АВТОКРАТОВА Татьяна Михайловна

**«ИЗ «ЛИТЕРАТУРНОЙ КОЛЛЕКЦИИ» А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА
КАК ЯВЛЕНИЕ ПИСАТЕЛЬСКОЙ КРИТИКИ**

Специальность 10.01.01. - Русская литература

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Тюмень – 2004

Работа выполнена в государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Тюменский государственный университет» на кафедре русской литературы

Научный руководитель

кандидат филологических наук,
доцент

Корокотина Анна Марковна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
профессор

Снигирёва Татьяна Александровна

кандидат филологических наук,
доцент

Соболевская Наталья Николаевна

Ведущая организация

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный педагогический университет»

Защита состоится 21 декабря 2004 г. в 09.00 часов на заседании диссертационного совета К 212.274.02 при государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Тюменский государственный университет» по адресу: 625003, г. Тюмень, ул. Республики, 9

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет»

Автореферат разослан 19 ноября 2004 г.

*Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор*

Л.А. Вараксин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. А.И. Солженицын – признанный миром писатель, мыслитель, общественный деятель. Его нравственно-философские убеждения, активная гражданская позиция, художественное творчество оказывают большое влияние на духовное развитие общества, вызывают неослабевающий интерес к его личности и деятельности. Творчество Солженицына изучают такие известные учёные, как Ж. Нива, В. Чалмаев, Н. Лейдерман, В. Синенко, В. Кузьмин, Ю. Мешков, М. Голубков, А. Урманов и др. Сегодня создано уже несколько библиографических указателей сочинений писателя и работ о нём (Н. Левитская, П. Спиваковский, С. Чупринин). Внимание исследователей привлекают особенности его исторического повествования, своеобразие новеллистики, публицистическое мастерство. Особый интерес вызвала мемуарная проза, литературные миниатюры «Крохотки», его научно-публицистическая книга «Двести лет вместе». Однако не становилась предметом изучения писательская критика Солженицына.

В последние годы читатели узнали новый труд известного писателя – цикл очерков, который автор назвал «Из «Литературной коллекции». Он сразу привлёк к себе внимание критиков (Л. Штерн, И. Ефимов, Б. Парамонов, Н. Иванова, Л. Лосев), но их отклики преимущественно связаны с отношением А. Солженицына к И. Бродскому. Никто из них не ставит вопрос о значении некоторых работ Солженицына как явления писательской критики. Между тем, в условиях современного активного изучения проблем истории и теории литературно-художественной критики большое место отводится роли и особенностям именно писательской критики, изучение которой расширяет представления о профессиональной критике, открывает новые грани творческой индивидуальности писателя.

Объектом данного исследования стала книга А.И. Солженицына «Из «Литературной коллекции». Очерки, её составляющие, публиковались в «Новом мире» с первого номера 1997 г. в рубрике «Дневник писателя» часто

без точной датировки времени их написания. Последний из них появился в сентябрьском номере «Нового мира» 2004 г. Всего их издано 22. Последовательность появления очерков не позволяет увидеть строго выстроенную структуру. Само название свидетельствует о незавершённости работы: «из», а не все. Незавершёность является в этом цикле одним из важных формальных признаков текста. Автор неоднократно возвращается к своим очеркам, делая добавления в начале или конце в связи с публикацией мемуаров, дневников, новых произведений героев очерков. Поэтому представляется возможным рассматривать известный нам текст как самостоятельное произведение.

Предметом анализа в диссертационном сочинении стало своеобразие писательской критики Солженицына, проявившееся в конкретном тексте – цикле очерков, как их назвал сам автор, о писателях и об отдельных произведениях, т.е. в книге «Из «Литературной коллекции».

Цель предлагаемого исследования – выявить основные приёмы и принципы анализа художественных явлений, проявившиеся в литературно-критических статьях (очерках) Солженицына, вошедших в книгу «Из «Литературной коллекции», и характеризующие особенности писательской критики и её автора.

Основные задачи исследования: 1. Рассмотреть литературно-критический цикл «Из «Литературной коллекции» А.И. Солженицына с точки зрения представленной в нём оппозиции художников и целостной версии истории Отечества. 2. Проанализировать образ оппонента в литературно-критических произведениях цикла. 3. Выявить формы выражения авторской позиции в литературно-критических текстах. 4. Установить связи литературно-критических произведений А.И. Солженицына с мемуарной и публицистической литературой писателя.

Методологическим основанием в данном исследовании являются работы по вопросам истории и теории литературной критики Б.Ф. Егорова, В.П.

Муромского, Г.А. Белой, М.Г. Зельдовича, В.В. Прозорова, С.П. Истратовой, В.Н. Коновалова, Е.Г. Елиной и др.

Научная новизна работы проявляется в обращении к неизученной, но значимой стороне творчества А.И. Солженицына – его литературно-критической деятельности. При этом она рассматривается не во всех элементах её проявления от многочисленных откликов и рецензий до мемуарно-публицистической книги «Бодался телёнок с дубом», хотя эти произведения тоже интересны и в выделенном аспекте не изучены. Для определения своеобразия писательской критики Солженицына в данном сочинении избрано произведение «Из «Литературной коллекции» как критическое целое.

Научная значимость работы в том, что она позволяет увидеть творческую деятельность известного писателя в новом значимом ракурсе. А.И. Солженицын назвал свою книгу – «Из «Литературной коллекции». Естественно, «из», потому что коллекционирование – процесс бесконечный. Но важно, что это именно *коллекция*, т.е. то, что особенно ценно и значимо для коллекционера. А поскольку коллекция *литературная*, то отбираются имена русских писателей и их творения. Уже в самом отборе открывается что-то новое в понимании творческой личности самого автора очерков. Поскольку речь идёт о литературно-критическом произведении писателя, можно увидеть не до конца раскрытые сегодня особенности и возможности такого значительного явления, как писательская критика. Осуществлённое исследование представляет значительный фактический материал для этого.

В качестве **научной гипотезы**, требующей аналитического доказательства, выносятся следующие положения: 1) литературно-критические произведения А.И. Солженицына, публикуемые им под заголовком «Из «Литературной коллекции», являют собой целостный и одновременно открытый цикл, характеризующийся устойчивой системой приёмов литературно-критического анализа; 2) входящие в цикл произведения соответствуют жанровой модели *«читательский дневник писателя»*. 3)

читательская критика оказывает своё влияние не только на стилистику профессиональной критики, но и на жанровую поэтику писательской; 4) литературная критика А.И. Солженицына свидетельствует о том, что гражданственные и религиозные традиции литературной критики XIX века своей привлекательности и значения не утратили в наше время.

Практическая значимость осуществлённого исследования состоит в том, что результаты его могут быть использованы при чтении курса истории русской литературы и литературной критики XX века, при разработке специальных курсов по творчеству А.И. Солженицына и проблемам писательской критики.

Широта охвата литературной жизни разных периодов (от обращения к писателям конца XIX – начала XX веков до публикаций последних лет), большое число имён художников и произведений, ставших предметом внимания Солженицына, потребовали найти такие пути анализа, которые позволили бы, с одной стороны, объединить разговор об очень разных авторах и литературных явлениях, с другой – не потерять главный предмет исследования – особенности писательской критики Солженицына. За ними в конечном счёте раскрываются новые характерные черты творческой индивидуальности писателя. В итоге определилась соответствующая **структура диссертации**, которая состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы, включающего 197 наименований. Содержание работы изложено на 161 странице.

Апробация исследования. Отдельные положения диссертации были изложены в виде докладов на конференциях: «Язык культуры и культура языка», всероссийская, Тюмень, ТюмГУ - ТГИИК, 15-17 марта 2001г.; «Славянские духовные истоки культуры и словесности», межрегиональная, Тюмень, ТюмГУ, 24 мая 2001г.; «Художественная культура как феномен», региональная, Тюмень, ТГИИК, 11-12 апреля 2002; «Постмодернизм и судьбы

художественной литературы на рубеже тысячелетий», международная, Тюмень, ТюмГУ, 16 – 19 апреля 2002г.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ.

Во **введении** обосновывается необходимость изучения писательской критики как одной из важных составляющих творчества талантливой писателя, формулируются основные задачи, выделяются главные положения, требующие доказательного анализа, определяется степень актуальности и новизны предлагаемого исследования, обозначаются исходные методологические принципы.

Глава 1. Авторская позиция как предмет рефлексии А.И. Солженицына-критика. Очевидно, что профессиональная и писательская критика находятся в разных взаимоотношениях с современной теорией литературы. Если в XIX – начале XX веков границы литературоведческой и литературно-критической деятельности практически сливались, то во второй половине XX в. при сохраняющейся связи намечаются существенные различия. Тем не менее общие для них теоретические представления остаются, хотя и по-разному трансформируются в профессиональной и писательской критике.

А.И. Солженицын в своих рассуждениях о литературе много внимания уделяет автору. Там, где в данной работе идёт речь о его интерпретации авторской позиции в художественном произведении, теоретической основой исследования служили работы М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, Б.О. Кормана, А.П. Чудакова, Н.К. Бонецкой, В.Е. Хализева и др. Основные положения этой теории изложены в § 1 «*Автор и авторская позиция как теоретическая проблема*». Трудно сказать, насколько известны А.И. Солженицыну теоретические положения этих авторов и как он к ним относится, но безусловная перекличка в характере суждений проявляется. Для Солженицына автор в большей мере лицо «реальное», житейское. Ему преимущественно важно видеть в писателе публициста, моралиста, учёного. Что безусловно не

соответствует его восприятию, это современные теории, по которым художественная деятельность изолируется от духовно-биографического опыта создателя произведения.

Своеобразие отношения Солженицына к проблеме автора проявляется в том, что критик, исследуя автора художественного в литературных произведениях, ставит перед собой цель постичь позицию автора биографического. Именно поэтому писатели, о которых он говорит, становятся героями его очерков.

§ 2. *Лирический герой и автор биографический в очерках А.И. Солженицына о поэзии.* В цикле «Из «Литературной коллекции» поэзия занимает не самое большое место. Ей посвящены очерки «Четыре современных поэта» (о С. Липкине, И. Лисянской, Н. Коржавине, Л. Владимировой), «Давид Самойлов» и особенно обративший на себя внимание критиков очерк об И. Бродском. В разговоре о поэтах преобладает пафос заступничества за тех, кто не замечен, и опровержение тех, кто не по заслугам, по мнению критика, превознесён. Солженицын противопоставляет в советской поэзии официально признававшуюся («казённую») литературу и «незаметную», «неслышимую», но, по убеждению критика, не менее значимую.

В статье «Четыре современных поэта» автор высоко оценивает в первую очередь «напряжённое чувство», «глубинный» покой, «естественность» интонации, «законченность мысли», «афористические строки» (об И. Лисянской). Рассмотрение текстов поэта ведётся на уровне тематики, цитируются понравившиеся строки с краткими комментариями. Говоря о творчестве С. Липкина, автор цикла обращается к основным этапам биографии поэта. В произведениях его выделяется «тюремно – лагерно - ссыльная» тема. Критерий достоверности, едва ли не основной у Солженицына, приобретает особую значимость при оценке лирических произведений, обращённых к теме войны или репрессий. Он выделяет в поэзии С. Липкина интерес к судьбе русских деревень, пострадавших при тоталитарном режиме, православные

сюжеты. «Не гаснет у Липкина и еврейская тема». Высоко оценивает критик поэтические достоинства любимшегося ему автора.

Примерно по такой же схеме строится очерк о Н. Коржавине – биография, тематика, удачные, широко цитируемые выражения и общие рассуждения о месте поэта в современной культуре. Особенно выделяется у Н. Коржавина антитоталитарная и религиозная темы. Делаются замечания о форме стиха, которая откровенно противопоставляется содержанию. Здесь в критических суждениях Солженицына не достаёт терминологической строгости, основательности анализа. Но общая оценка определённая: «Его душевное сотрясение от расставания с Россией поражает своей силой, глубиной и долготой последовательностью».

Л. Владимирова для критика «значительный поэт, по видимости недооценённый. Почти нет у неё стихов, которые не задели бы сердца, не остановили внимания». В разговоре о ней писатель применяет традиционный для него коллаж из цитат, перемежающихся предельно скупыми комментариями.

Когда комплиментарность сменяется полемичностью, ощущается недостаточность тематического подхода критика и отсутствие у него специального инструментария для анализа лирики. В связи с этим нельзя не согласиться с позицией Б. Парамонова, выраженной в статье «Солженицын - критик». В очерке «Давид Самойлов» решительно отбрасываются различия между лирическим героем и автором биографическим. А.И. Солженицын пишет: «Самойлов (автор биографический – Т.А.) охотно признаёт: «Российский стих – гражданственность сама» (слова лирического героя – Т.А.) («Стихи и проза»), но нисколько не отдаётся ей, а, напротив, старательно избегает». Стремясь к объективности, автор очерка находит достоинства и у художников - оппонентов. Однако общий вывод сводится к недостаткам: «Ведущей темой его (Д. Самойлова – Т.А.) стихов стало обдумывание собственной жизни, размышление о себе. Создалась поэзия почти сплошного

одинокости: из вереницы стихов, так мало населённых кем-либо, кроме *самого автора...*» (выделено мною – Т.А.). Продолжая отождествлять лирического героя с биографическим автором, критик выстраивает жизненный путь Самойлова по темам и сюжетам его произведений.

В конечном счёте в очерках Солженицына происходит отождествление читательского восприятия с высшим судом о поэзии, читательского мнения с абсолютной оценкой произведения. При этом последовательно не разграничиваются лирический герой и поэт. В характере оценок проявляется некоторая предвзятость и учительские интонации, о чём с определённым юмором писала Н. Иванова в статье «Меня упрекали во всем, кроме погоды...».

Сокращая дистанцию между лирическим героем и автором, А.И. Солженицын намеренно заостряет читательское восприятие поэтического текста, выдвигая на первый план диалог читателя с автором произведения. Так создаётся основная модель в системе персонажей в *читательском дневнике писателя*: читатель и «свой» или «чужой» поэт, прозаик, драматург.

§ 3. «Структурный обзор» в цикле «Из «Литературной коллекции».

Выделяя в эпических текстах при анализе удачные и неудачные сцены, раскрытые и схематизированные характеры, пейзажи, авторские отступления, Солженицын назвал свою работу «структурным обзором». Термин «обзор» (а не «анализ») свидетельствует о специфичности подхода писателя – критика, не претендующего на удовлетворение строгих научных требований. Это проявляется, в частности, в суждениях об авторе в художественной прозе. Так, говоря о романах В. Гроссмана, А. Солженицын называет авторскими характеристиками непосредственные суждения повествователя, а не то, что передается «через одни свои действия». Поведенческая характеристика героя выводится у Солженицына за границы авторской установки и задачи. Отождествление автора художественного и биографического мешает критику при размышлениях об эпических произведениях (а Солженицына очень

интересуют именно эпические жанры) осуществить системно-целостный анализ, которому способствует представление об авторе как «смысловом целом» (М. Бахтин) произведения. В аналитических рассуждениях о прозаических текстах в очерках реализуется схема, обозначенная М. Бахтиным как «полное подчинение героя автору», а замысла, - добавим, - писателю.

Иногда А.И. Солженицын пытается чётче сформулировать свои исходные позиции. Так, в предисловии к статье «Приёмы эпопей» он предлагает своё понимание эпопеи как разновидности исторической прозы, а затем реализует своё представление в ходе анализа оценочно противопоставленных друг другу произведений: «Истоки» М. Алданова и диалогия В. Гроссмана («За правое дело» и «Жизнь и судьба»). На характер суждений о писателях активно влияет личностное отношение критика: негативное – к Алданову, сочувственное – к Гроссману. При этом речь идёт в основном о самих художниках в их отношении к классическим традициям (Л. Толстому), в их выборе исторического материала и путей художественного изображения. У В. Гроссмана - «огромная работа и немало художника». У него удачна «композиция военно-исторической эпопеи», построенной «на временном течении событий, на внутренней логике их и собственной их сюжетной скрепе». Одобрен критиком и «толстовский приём» введения семейной истории. Но не прощает Солженицын недостаточное внимание к лицам, собственно определяющим историю. Этот недостаток особенно не приемлем для него у Алданова, не давшего в романе о революции, по восприятию Солженицына, однозначных оценок «отвратительных убийц». Не нравится ему в романе Алданова поливерсионность событий и, главным образом, отсутствие «отчаянного вложения самого себя», т.е. откровенных публицистических суждений автора.

Прозаические литературные тексты рассматриваются в цикле то как документы, позволяющие воссоздать духовную историю страны и творческую биографию художника, то как источник исторической информации. При этом

авторы произведений воспринимаются Солженицыным–критиком как единомышленники или оппоненты. Алданову–художнику критик противопоставляет писателей, чей творческий путь был продолжением их гражданской позиции. Например, в статье об А. Малышкине. В работе о нём Солженицын выделяет понятие «стержень авторской жизни», которому и следует сам, выдвигая на первый план «автора в биографическом смысле».

Глава 2. «Чувство русской истории» в цикле А.И. Солженицына «Из «Литературной коллекции». Приведённое выражение Д.С. Лихачёва А.И. Солженицын сочувственно цитирует, что позволяет отнести его и на представления писателя. В истолковании исторических подходов Солженицына при обращении к очень разным писателям и произведениям учитывались теоретические работы по проблемам историзма 1970-80–х годов и последних лет (Д.С. Лихачёва, П.А. Николаева, Ю.Б. Борева, С.И. Кормилова, И.П. Смирнова, А.М. Эткинда и др.). Основные теоретические положения излагаются в § 1 *«Принцип историзма в изучении художественного произведения как теоретическая проблема».*

Исследователи отмечают, что с точки зрения историзма к литературному произведению подходили многие писатели в разное время. Признаётся, что большой научной содержательностью отличались историко-литературные высказывания писателей, обращавшихся к истинно художественным ценностям.

В разработке принципа историзма есть своя история. Историзм - одна из самых распространённых теоретических категорий в советской критике и литературоведении 1970-х годов. Сохраняющийся «терминологический разнобой», многозначность «историзма» неизбежно порождаются «широтой и многозначностью понятия «история» (С.И. Кормилов). Свои определения «историзма» предлагают разные учёные – Ю. Боров, А. Иезуитов, Л. Гинзбург, С. Кормилов, В. Щербина, А. Чагин и др. Решительно выступил против тенденции отсекал литературное произведение «от исторической

действительности, литературной традиции и всего идейно – тематического окружения» Д.С. Лихачёв. И какими бы резкими ни были расхождения между двумя замечательными мыслителями, А.И. Солженицыным и Д.С. Лихачёвым, в признании необходимости обращаться к истории при интерпретации художественных произведений они явно сходятся, пусть и не во всех аспектах.

§ 2. *А.И. Солженицын-критик об отражении истории Отечества в русской литературе XX в.* Солженицына проблема историзма интересует на разных уровнях. Обращаясь к эпосе, он прежде всего видит в ней жанр, основывающийся на фактах истории, а значит разговор об эпическом произведении всегда оказывается связанным со спорами о прошлом, настоящем и будущем Отечества. С проблемой достижимости истины в истории и спорами о судьбах Родины связано большинство очерков в его книге.

Часть текстов, рассматриваемых критиком, относится явно к исторической прозе (произведения Ю. Тынянова, Л. Бородина). Другие повести и романы, о которых он говорит, интересуют его как источники исторических сведений, исторические документы. Так он воспринимает «Голый год» Б. Пильняка, повести А. Малышкина, «Солнце мёртвых» И. Шмелёва, рассказы П. Романова, произведения Е. Замятина и даже А.П. Чехова.

«Чувство русской истории» проявляется у А. Солженицына уже в подборе литературы, позволяющей ему «окунуться» в те или иные исторические периоды, которые интересуют автора очерков и как художника, работающего над воссозданием истории страны в «Красном колесе». Потому и в произведениях А.П. Чехова Солженицын видит те проблемы, которые формулирует в связи с историей XX века: очень старый русско-еврейский вопрос («Скрипка Ротшильда», «Тина»), кризис православной церкви на рубеже веков («Архиерей»), предреволюционные настроения масс, позиция русской интеллигенции. Этот последний пункт вызвал у А. Солженицына особенно много претензий к А.П. Чехову.

Предреволюционную Россию увидел А. Солженицын в раннем творчестве Е. Замятина, воссоздавшего убожество провинциальной России, в произведениях И.С. Шмелёва. У всех авторов он критически оценивает одну и ту же особенность: власть «освобожденческих» идей, популярность которых создавала почву для революционной активности. «Освобожденческая» идеология оценивается автором очерков как выражение общего свойства всякой революции клеветать на старый строй. Об этом он пишет и в публицистической статье «Черты двух революций».

В литературе, воссоздающей обстоятельства революционных и первых послереволюционных лет (в «Голом годе» Б. Пильняка, в «Севастополе» и «Падении Даира» А. Малышкина, в «Пещере» и «Мамае» Е. Замятина, в «Солнце мёртвых» И. Шмелёва), А. Солженицын ценит правдивость в передаче драматичных черт эпохи разрушения государственности, экономики и духовности. Самое сильное потрясение у него вызвало чтение «Солнца мёртвых» И. Шмелёва: «Это такая правда, что и художеством не назовёшь. В русской литературе первое по времени настоящее свидетельство о большевизме...». Отмечая ошибки в литературе о революции и послереволюционных годах, писатель особенно строго подходит к наследию тех, кто последовательнее других утверждал антирелигиозный взгляд на мир. Даже трагическая судьба автора романа «Мы», разделившего изгнание со своей знаменитой книгой, не примирила Солженицына с атеистической позицией Замятина.

Эпоха НЭПа представлена в цикле романом Л. Леонова «Вор». А. Солженицын рассматривает текст в редакции 20-х годов. По его представлению, роман был связан не только с задачей развлечь образованного, знакомого с Достоевским читателя, но передать, «распахнуть в Векшине прямое разочарование итогами революции». Солженицын жалеет об отсутствии в романе Л. Леонова откровенного публицистически выраженного обличительного пафоса в адрес советской действительности, о том, что

персонажи романа «не несут разительных жестоких черт первого советского десятилетия».

Судьба русского крестьянства интересует А.И. Солженицына в связи с историей революции и Великой Отечественной войны, она – постоянная проблема в размышлениях художника и критика о русском национальном характере, о духовном наследии, этических и религиозных традициях. Крестьянству посвящены статьи А. Солженицына о П. Романове, Е. Носове, В. Белове. Подробнее других говорит критик о произведениях В. Белова, воспринимая его как наследника Г. Успенского, сумевшего достаточно убедительно воссоздать историю жизни русского крестьянина и в контексте этой истории передать основные вехи исторического пути страны. Интерес к судьбе и личности Ивана Африкановича Дрынова у А.И. Солженицына обусловлен очевидной близостью Ивана Африкановича Ивану Денисовичу.

Внимание писателя привлекают «Плотницкие рассказы», «Воспитание по доктору Споку». Не до конца удовлетворило его изображение в рассказах Белова истории создания колхозов в России. Солженицыну не хватает в них остроты суда над прошлым. С одобрением автор очерка воспринимает роман «Кануны», в котором он находит более строгий подход к историческим событиям.

Особенно близким Солженицыну в понимании русской деревни оказался Е. Носов. То, что он увидел у Носова, прямо перекликается с тем, о чём сам он писал в «Матрёнинном дворе», хотя в очерках прямого сопоставления нет.

Большое место в книге уделяется произведениям о Великой Отечественной войне (В. Гроссмана, Е. Носова, Г. Владимова). В статье «Диалогия Гроссмана» романы писателя открывали для критика возможность обратиться к наиболее волнующим его темам: источники творческого замысла художника, пути познания им истины об истории, тема еврейско-русских отношений. Он не останавливается на особенностях литературы времени создания произведений. Его волнует вопрос, знал ли В. Гроссман правду о

войне, об отношении народа к правительству, о коммунистах. И прямого ответа не находит. Автору книги, создававшейся в годы войны и в первые послевоенные годы («За правое дело»), предъявляются обвинения, которые можно переадресовать всей литературе этой эпохи. Раздел о романе «Жизнь и судьба» в очерке начинается с признания, что Гроссман «и вправду не знал» многого о войне и жизни в СССР.

В 2004 г. опубликован очерк «Георгий Владимов – «Генерал и его армия». Солженицын называет роман «очень значительной книгой», «мужественной», без «специальных издуманных новизн». Он признается, что подобного в современной литературе «давно не читал».

Эпоху «оттепели» критик увидел в одном из наименее оцененных современниками романе Ф. Светова «Отверзи ми двери», подчеркнул «напряжённую густоту» содержания книги, поднимающей острые вопросы. Отмечая некоторые просчёты и слабости, он с удовольствием читает роман, написанный «взахлёб». «Однако же, именно в этих беспорядочных, трепетных, мучительных поисках истины (между Богом, еврейством, православием, Россией, смыслом жизни, чёртом и развратом) – обаяние этой книги...»

Особенно ценит критик в книге Ф. Светова умение воспроизвести остроту противостояния идеологических «заморозков» и волны религиозного возрождения, пробуждения национального самосознания и новой стадии притеснения евреев в стране. К этому прибавилась драматичная тема внутриеврейского раскола по религиозному и культурному признакам.

На первый взгляд, совершенно выпадает из этой хронологической цепи произведение Л. Бородина «Царица смуты», посвящённое далёкой эпохе 17 века и Марине Мнишек. Однако смута XVII века в изображении Л. Бородина выглядит своеобразным подобием конца XX в России. По мнению Солженицына, Бородину удалось то, что пытался осуществить Б. Пильняк в «Голом годе», сблизив 1917 год с XVII веком.

Говоря об отечественной истории, Солженицын – критик неизменно сосредотачивает преимущественное внимание не на фактах и событиях, а на духовных основах и тенденциях, которыми руководствуется народ. Отсюда не случайно выделение § 3 «*Нравственно-философское кредо А.И. Солженицына - критика*». Вопросы исторического пути России звучат почти в каждой статье писателя, но с разной степенью активности выражается в них его взгляд на историю и на основные тенденции в духовной жизни страны. В *разделе 1 § 3 «Проблема исторической истины»* рассматриваются критерии оценок исторического романа вообще и романа Ю. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» в частности. Для автора очерка важна прежде всего степень соответствия того, что утверждается в литературном произведении, исторической Истине, добытой многими поколениями учёных-историков, энтузиастов, правдоискателей. Мысль о возможности восстановления истины о прошлом особенно дорога Солженицыну. Она вдохновляла его на роман «Архипелаг ГУЛАГ» и другие произведения. Однако представления об исторической истине у А.И. Солженицына индивидуальные. Задачу мыслителей и художников он видит в постижении её и участии в совершенствовании жизни, обустройстве России. Поэтому и критерии в его статьях носят «воспитательный» характер: обновление состава языка, прояснение неясного в истории, пробуждение лирою добрых чувств...

Широко формулируется в очерках проблема национального, о чём идёт речь в *разделе 2 § 3 «Идея национального вырождения и возрождения»*. Будучи человеком эпохи, противопоставившей интернациональное будущее (коммунизм во всем мире) национальным интересам многонациональной советской страны, Солженицын проявляет пристальный интерес к воплощению в произведениях убедительных и достоверных национальных характеров (русских, евреев, немцев...) Для него это связано с задачей восстановления исторической правды и строительства будущего.

Русско-еврейский вопрос рассматривается в произведениях, к которым обращается писатель - критик, на следующих уровнях: 1. Как вопрос внутригосударственной политики, связанный с притеснением людей по национальному признаку. 2. Как вопрос, связанный с религиозным выбором личности и неизбежным в христианской стране расколом еврейского народа. 3. Как вопрос, одно отношение к которому – со стороны русского ли, еврея ли – даёт достоверное представление о степени порядочности и душевной чистоты человека.

Задолго до появления литературно-критического цикла статей «Из «Литературной коллекции» А. Солженицын со всей свойственной ему основательностью рассматривал вопросы национального в статье «Раскаяние и самоограничение». Он призывал к покаянию не только своего читателя, он ждал покаянной реакции народа как определённой национальной общности. Поэтому не случайно он отнёсся с острой неприязненностью к рассказанной Ю. Нагибиным истории осознания им своей национальной принадлежности («Двоение Юрия Нагибина»). Юмора по этому поводу Солженицын не прощает тем более, что за историей осознания себя сначала евреем, а затем русским стоит довольно глубокое, как кажется критику, безразличие к этой проблеме.

Симпатии Солженицына на стороне тех художников, в творчестве которых проблема духовного возрождения Отечества решается на путях религиозного и национального самосознания. Отсюда особое отношение к произведениям И. Шмелёва, Л. Бородина, Е. Носова, на анализе которых критик останавливается подробнее.

Историческое полотно для Солженицына неизменно то «живая жизнь», то «клочки бытия», то незаживающие раны, когда бы ни происходило то или иное описываемое историческое событие. Главное в чувстве истории, которое демонстрирует А. Солженицын в своей книге, - это то, что для их автора В ИСТОРИИ НЕТ МЁРТВЫХ. Отсюда его уверенность в доступности

исторической истины, её достижимости. Отсюда неприязнь к тем, кто сомневается в возможности истинного взгляда на далёкое прошлое.

Глава 3. Читательский дневник писателя как аналитико-синтетический жанр (А.И. Солженицын «Из «Литературной коллекции»).

Отличительная особенность произведения Солженицына – постоянное присутствие героя – оппонента. Этому посвящён § 1 «Герой – оппонент в статье А.И. Солженицына «С Варламом Шаламовым». Сложные и противоречивые отношения связывают двух писателей. Впервые они описаны в книге «Бодался телёнок с дубом». Статья Солженицына о Шаламове даёт читателю представление о различиях эстетического и нравственно-философского характера, разделяющих двух великих «сынов ГУЛАГа». А. Солженицын писал в своих произведениях, навеянных лагерным опытом, о том, как калечила неволя человеческую жизнь и как, вопреки этому, душа обретала в неволе подлинную свободу, преображаясь и веруя. В. Шаламов писал о том, как калечила неволя душу. В. Шаламов считал тюремный опыт абсолютно вредным для человека и не испытывал удовольствия от того, что увековечивал его в слове. А. Солженицын писал для современников, для общественности. В. Шаламов писал только для своего читателя.

§ 2 «Подлинное лицо» художника в статье А.И. Солженицына «Иосиф Бродский – избранные стихи». Главная цель статьи – обнажить подлинное лицо автора стихов, признанных современниками гениальными. Солженицын пытается доказать, что репутация И. Бродского как талантливого поэта и мученика советской власти не совсем верна. Он обвиняет поэта в непонятности, излишних длиннотах, нарушении законов стихосложения. Основное внимание критика сосредоточено на поисках свидетельств недостатка таланта поэта или его мастерства. С отношением Бродского к еврейскому вопросу связано, по мнению критика, его отношение к России. С этим можно согласиться. Не случайно слова поэта о том, что он – «плохой еврей, плохой русский и плохой американец, и только поэт – хороший», получили такую широкую известность.

Солженицын не принимает позицию Бродского в вопросе о смысле и целях искусства. Предметом искусства, по представлениям Бродского, была частная жизнь личности. Для Солженицына главной задачей искусства является участие в общественной жизни. В искусстве для Солженицына важно служение прогрессу и нравственному очищению общества от лжи. А это служение немислимо без обращения к христианству. Здесь они тоже разошлись с Бродским, чуждым ортодоксального православия. Вот почему так остро неприязненно ведётся Солженицыным спор с очередным оппонентом.

§ 3. *Сила последнего слова в цикле «Из «Литературной коллекции» А.И. Солженицына.* Общим во всех работах остаётся стремление не установить истину о литературном явлении, а разрушить тот комплекс идей, который ненавистен Солженицыну. Это проявилось, в частности, в очерке «Давид Самойлов». Факт публикации дневников Д. Самойлова 70-х годов («Знамя», 1995) побудил автора очерка усилить критический пафос статьи о нём. Последние страницы её посвящены спору с человеком, который, по выражению критика, «накапливал записки для посмертного опубликования». Предмет спора достаточно широк: еврейский вопрос, русская интеллигенция, русский национальный характер и «почвенничество», революция и перспектива страны.

Нигде в статьях о Бродском, Тынянове, Нагибине, Самойлове Солженицын не употребил определение – писатели-«образованцы». Но именно оно объяснило бы суть неприязни, испытываемой им к творчеству и личности этих художников. Статья «Двоение Юрия Нагибина» посвящена «узлу» проблем, волнующих Солженицына: еврейский вопрос в России, «образованщина», русское как национальное, писатели - «образованцы». Никакого «двоения» Нагибина в представлении Солженицына нет. Есть один примитивный, озабоченный сохранением благополучия в начале творческого пути и в конце его совершенно раскрывшийся в своей циничной сущности человек.

Горькие размышления Нагибина о состоянии своего народа («Ни о чём не думающий, ничего не читающий, нашедший второго великого учителя – после водки – в деревянном ящике... одуряющая пошлость... Вместо веры какая-то холодная остервенелая церковность...») не принимает критик, особенно когда Нагибин говорит как об объединяющем народ качестве – о русском шовинизме и антисемитизме. Солженицын активно пытается защитить честь и достоинство русского народа, не учитывая, что страстное обличение может быть выражением не менее глубокой любви. Статьи о творчестве и личности В. Шаламова, Ю. Нагибина, Д. Самойлова, Ю. Тынянова перекликаются с публицистикой Солженицына 70-х годов, но в них часто преобладает неприязнь, утрачивается обаяние веры.

§ 4. *Читательский дневник писателя как разновидность «вторичной» (А.И. Солженицын) литературы.* Основные признаки «вторичной» литературы обозначены в книге «Бодался телёнок с дубом». Некоторый элемент снисходительности к «вторичности» критики не снимает уважительного отношения к ней как к помощнику литературы, отношения, объясняющего неслучайность обращения Солженицына к этого рода деятельности.

Избрав жанр личного читательского дневника, автор книги не считает обязательным следовать строгой научной терминологии и аргументации. В терминологии предпочитает не научные, а бытующие в широком кругу читателей выражения. *Интерпретации предшественников* Солженицыным не рассматриваются, хотя часто чувствуется знание их. Во всех суждениях писателя – критика преобладает *личностное отношение*. Основной инструмент анализа – *душевная установка*, сформировавшаяся в жизненных обстоятельствах и литературных трудах автора. Личные его качества – непосредственность, откровенность, прямота, равнодушие проявляются в критических суждениях. Подход к интересующим Солженицына литературным явлениям определён *читательскими впечатлениями*, подготовленными многолетней читательской культурой. Рассуждения о произведениях

литературы иногда органично переходят в *исповедь*, в *лирический монолог* критика. Часто широко цитируется текст с редкими комментариями. Некоторые *новые определения* вводятся Солженицыным для обозначения фактов и явлений: «советские рубцы», «советская казёнщина», «литературщина» («Евгений Носов»); «стержень авторской жизни» («Александр Малышкин»). Широко используется слово «сердечный». Солженицыну-критику свойственны *крайние оценки*. В этом смысле он близок Д.И. Писареву. Их объединяет обращение к страстному спору с современниками о состоянии и перспективах русской литературы и Отечества. За резкими суждениями обоих скрывается глубокое уважение к ценностям национальной культуры.

Обращаясь к текстам героев своих очерков – поэтов и писателей, – Солженицын почти не выходит на типологические сближения, даже там, где такая возможность напрашивается. Близость писательской литературной критики к художественному творчеству делает возможным появление в критическом произведении писателя некоего подобия *автора художественного и вымышленного героя*.

Формальные жанровые признаки очерков подчёркнуто свободны. В первой статье есть небольшое *предисловие*, иногда вводится *вступительное слово*. Своеобразным выражением авторской позиции становится поэтика *финалов* очерков, выражающих всегда интонационную открытость или логическую незавершённость. Результаты осуществлённого исследования позволяют назвать *читательский дневник писателя* жанром писательской критики.

Заключение. Рассмотрев статьи А.И. Солженицына, опубликованные в «Новом мире» с 1997 года в виде авторского цикла, озаглавленного «Из «Литературной коллекции», можно сформулировать следующие положения.

По тематике очерки условно делятся на несколько групп: о русской классике, о советской классике, о современной литературе, о русском андеграунде, о русском зарубежье. В данной работе классификация

определялась по *предмету* критики, обусловленному задачами, волнующими Солженицына как писателя и публициста. *Заглавие, вступительное слово* подчёркивают открытость границ цикла, состав которого шире представленного. *Финал* очерков предполагает дополнения, которые и появляются с публикацией мемуаров, дневников, последних произведений писателя - героя очерка. Книгу нельзя считать завершённым целым, но следует признать **незавершённость** важной формальной особенностью текста.

Общими остаются признаки, позволяющие назвать книгу **читательским дневником писателя**. Его формальные особенности – подчёркнутая непосредственность в передаче впечатлений; наличие информации об авторе, записываемой для памяти; рассмотрение известных текстов с целью выяснения, со своей точки зрения, степени правдивости сложившегося мнения о художнике и произведении. Дневниковость проявляется в активном присутствии сугубо личных впечатлений и фактов.

Очерки посвящены тем, кому симпатизирует автор, и тем, кто ему глубоко антипатичен. Эти два крыла обнаруживаются во всех спорных моментах, о которых пишет Солженицын (история страны, образ народа, взгляд на природу, на сущность искусства или на проблему национального). В отношении к объекту исследования проявляется важнейшая черта, характеризующая своеобразие писательской критики, – её органичная соотнесённость с творческими идеями писателя-критика, воплощающимися в его художественных и публицистических текстах.

**ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ИЗЛОЖЕНЫ В
СЛЕДУЮЩИХ РАБОТАХ**

1. «Голый год» Б. Пильняка в оценке А.И. Солженицына – критика // Славянские истоки словесности и культуры в Западной Сибири. Сборник статей: В 2ч. Ч. II. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2001. С.118-122.
2. Писательская критика как явление культуры: «Литературная коллекция» А.И. Солженицына // Художественная культура как феномен: Материалы региональной научно-практической конференции. Тюмень: изд-во ТюмГУ, 2002. С.32-34.
3. «Смерть Вазир-Мухтара» Ю.Н. Тынянова в оценке Солженицына-критика // Интернет-журнал «Language and Literature». № 14. <http://utmn.ru/frgf/No14/text09.htm>
4. Творческая дискуссия А.И. Солженицына с В.Т. Шаламовым // Художественная литература, критика, публицистика как явление культуры. Выпуск 6. Тюмень. В печати.